

На правах рукописи

Юшковский Виктор Данилович

**Г.С. БАТЕНЬКОВ: ЭВОЛЮЦИЯ ЛИЧНОСТИ И МИРОВОЗЗРЕНИЯ
В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ
XIX ВЕКА**

07.00.02 – Отечественная история

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Томск - 2007

Работа выполнена в ГОУ ВПО «Томский государственный университет»
на кафедре истории и документоведения

Научный руководитель: доктор исторических наук, доцент
Шерстова Людмила Ивановна

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Бойко Владимир Петрович,

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Большаков Виктор Николаевич

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Томский университет систем
управления и радиоэлектроники»

Защита состоится 29 февраля 2008 года в 15.00 на заседании диссертационного совета Д 212.267.03 при ГОУ ВПО «Томский государственный университет» (634050 г. Томск пр. Ленина, 36, корпус 3).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ГОУ ВПО «Томский государственный университет» (г. Томск пр. Ленина, 34 а).

Автореферат разослан 15 января 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук, профессор

О.А. Харусь

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Глубокий интерес к эпохе, знаменовавшей начало либеральных реформ, представляется закономерным и актуальным, развитию общественной мысли конца XVIII – начала XIX в. посвящены многие основательные работы. Сегодня, как никогда, важно осознать истоки российского либерализма, характер взаимоотношений власти и общества, переосмыслить декабристские идеи и сами фигуры участников восстания; интерес к ним продиктован стремлением проникнуть в истоки русской мысли, разобраться в сложных проблемах формирования русского национального сознания.

В этой связи значительный интерес представляет Гавриил Степанович Батеньков (1793-1863), который стоял у истоков российского либерализма и внес выдающийся вклад в развитие сибирского законодательства.

Степень изученности темы. Необычная судьба Батенькова привлекала внимание давно; имя его находим в трудах по истории освободительного движения, русского права и общественной мысли, литературы, зодчества.

Первый историко-биографический очерк (И.И. Ореус, 1889 г.), примечателен, как попытка выявить своеобразие этой фигуры, и хотя он содержал ряд неточностей, стоит признать значимость этой работы для понимания «человека замечательного во многих отношениях»¹.

Не получив после смерти признания, Батеньков долго оставался в забвении: ни одной значимой работы о нем, кроме очерка Ореуса, на протяжении полувека не появилось. Вместе с тем направление исторической мысли, получившее выражение в трудах А.Н. Пыпина², было продуктивным с точки зрения изучения освободительного движения; он несколько преуменьшал значимость декабризма, но его заслуга в изучении общественного сознания неоспорима.

Столь же ценно наследие М.В. Довнар-Запольского и В.И. Семевского³, которые удачно дополняли друг друга, но достойной оценки не получили; первого упрекали в том, что не смог разобраться в классовой сущности декабризма, не осознал его национальный характер, второму ставили в вину «искажение и принижение» роли вождей движения.

Между тем в трудах Семевского показано возникновение и развитие свободолюбивых идей; передовую политическую мысль он считал движущей силой исторического процесса; состояние общества увязывал с исторической обстановкой, а преобразовательные планы декабристов рассматривал как «про-

¹ Ореус И.И. Батеньков // Русская старина. Т. 63. СПб. 1889. С. 301.

² Пыпин А.Н. Материалы для истории масонских лож // Вестник Европы. Т. IV. Кн. VII. 1872. С. 242 – 279.; он же. Общественное движение в России при Александре I. СПб.: Тип. Стасюлевича. 1908. 587 с.

³ Довнар-Запольский М.В. Идеалы декабристов. М.: Тип. Сытина. 1907. 423 с.; Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб.: Тип. Первой Петербургской трудовой артели. 1909. 694 с.

должение и дальнейшее развитие реформаторских замыслов правительства»¹. Батеньков предстает в его работах, как глубоко мыслящий деятель, имевший особое мнение по всем проблемам политической жизни; его высказывания о государственном аппарате, военных поселениях, купечестве историк приводит подробно и даёт эти взгляды, как показатель состояния умов.

Исследования Семевского отвечали социальному заказу: на волне политической активности начала XX в. возродился интерес к декабризму. Батеньков в глазах большинства продолжал оставаться деятелем второго ряда, но появились работы, посвященные его политической роли, о нем стали писать, как о характерном представителе передовой части общества. Однако большинство этих работ носили вторичный характер, не отличались глубиной и достоверностью (показательна здесь статья П. Головачева²).

Самой крупной работой о Батенькове начала XX в. стало исследование К. Дубровского³, появившееся в канун новых революционных выступлений, что наложило отпечаток на восприятие политической активности декабриста. Признавая его умеренный образ мыслей, благодаря чему он якобы «играл роль сдерживающего начала» и не разделял «террористических стремлений Каховского», автор полагал это слабостью; с другой стороны, очерк был основан на заслуживающих доверие материалах, показывал важные для Батенькова духовные ориентиры, свойства характера.

Сибирские корни Батенькова предопределили интерес к нему сибиряков; серьезный тон провинциальным работам дали А.В. Адрианов и Г.Н. Потанин⁴. Очерк первого стал библиографической редкостью, пользуясь устными рассказами старожилов, он восстановил годы ссылки декабриста; Потанина же привлекала не только необычная судьба, но и душевный строй, образ мыслей, получившие осмысление в трудах исследователей других поколений.

Следом появилась статья Н.Н. Бакай⁵, подготовленная для юбилея декабристского выступления; она перекликалась с ранними сибирскими исследованиями, а местами опиралась на них; в то же время Бакай освещал мало затрагиваемые прежде вопросы, раскрывал вклад декабриста в преобразования края.

Расширение круга источников способствовало детализации жизнеописания, уточнению взглядов; возникли статьи, основанные на архивных материалах, которые рассказывали об инженерной работе декабриста, раскрывали неясные моменты биографии (так, опираясь на архивные данные, Г.М. Котляров

¹ Федоров В.А. Декабристы и их время. М.: МГУ. 1992. С. 17.

² Головачев П.М. Декабристы. 86 портретов. М.: Изд. Зензинова. 1906. С. 20-26.

³ Дубровский К. Рожденные в стране изгнания. Петроград.: Тип. Виктория. 1916. С. 9-53.

⁴ Адрианов А.В. Томская старина. Томск. 1912. 83 С.; Потанин Г.Н. Батеньков // Сибирские огни. 1924. №2. С. 66-74.

⁵ Бакай Н.Н. Сибирь и декабрист Батеньков. // Труды Томского краеведческого музея. Т. I. Томск. 1927. С. 38-48.

сделал важное сообщение об аресте декабриста и его библиотеке¹), появились вполне достоверные энциклопедические справки.

Ценность этих работ в том, что их авторы рассматривали декабристов с просветительских позиций, были чужды предвзятости; их работы отличались от тех, где превалировала классовая точка зрения, упрощенное, основанное на идеологических догмах представление о сложных исторических процессах. В русле марксистской методологии рассматривала революционных дворян и М.В. Нечкина²; работы ее были, во многом, новаторскими, но не давали ответа на мировоззренческие вопросы, страдали схематизмом, показывали декабристов вне исторической среды.

Сказанное не перечеркивает значимость работ по воссозданию социально-экономических условий, но исходный жесткий посыл снижал их ценность, вел к замалчиванию и неточностям. Своеобразия взглядов Батенькова при этом как бы не существовало, не брали в расчет его особую роль; возникало впечатление, что и вводили его в исследовательский текст, в основном, для того, чтобы оттенить революционный настрой вождей Северного общества. Батеньков, полагали, был нужен для установления связей с «третьим сословием», через него Рылеев рассчитывал выйти на некоторых вельмож (так считал Н.М. Лебедев³).

Авторы первой биографической книги, А.П. Бородавкин и Г.П. Шатрова⁴, тоже оставались в границах, очерченных господствовавшими представлениями; им важно было представить его непримиримым борцом с самодержавием, а не государственным деятелем либеральных воззрений; отсюда искаженное понимание Сперанского, стремление показать декабриста представителем «рылеевского» направления. Не делая принципиально важных открытий, книга, однако, вызывает интерес, как первое исследование, где общественно-политические взгляды Батенькова показаны в развитии.

Она стала переходной ступенью на пути к более основательным трудам, таким как монография В.Г. Карцова⁵. По глубине проникновения в эпоху, степени изученности, ценности анализа книга не имела равных, и хотя политические идеи Батенькова рассматривались несколько тенденциозно, это окупалось богатством источников, основательностью изучения. Значимость работы обусловлена и тем, что автор выполнил сформулированную им же задачу (желание выявить формирование общественно-политических интересов декабриста).

---

¹ Котляров Г.М. Батеньков в Сибири // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820 гг. Т. II. М.: Общество политкаторжан. 1933. С.145-161.

² Нечкина М.В. Движение декабристов. М.: Изд-во АН СССР. Т. I. 1955. 481 С.; Т. II. 1955. 505 с.

³ Лебедев Н.М. «Отрасль» Рылеева в Северном обществе // Очерки из истории движения декабристов. М.: Изд-во АН СССР. 1954. С. 320-400.

⁴ Бородавкин А.П., Шатрова Г.П. Декабрист Батеньков. Томск.: ТГУ. 1960. 90 с.

⁵ Карцов В.Г. Декабрист Батеньков. Новосибирск.: Наука. 1965. 239 с.

Жесткая направленность укладывалась в концепцию автора, но границы, обусловленные ею, тяготили Карцова. Он проявляет интерес к тюремным записям, требовавшим понимания всего мировоззрения, хотя трактует их схематично; пытается представить состояние Батенькова периода ссылки, хотя объясняет его недовольство безденежьем. Духовные поиски, философские раздумья героя оставались вне поля зрения, но проблематику автор наметил, и этим предопределил появление новых работ мировоззренческого плана.

Оставаясь, по оценкам, умеренным политическим деятелем, Батеньков вновь обращает на себя внимание. Одних привлекает, как автор статистических записок и законопроектов (С.В. Кодан, Г.Ф. Быконя, А.В. Ремнев, Л.И. Шерстова, С.В. Осипенко¹); других интересует как архитектор (С.Н. Баландин, А.М. Прибыткова²). Биография декабриста тоже становится объектом внимания, о ней пишут сибиряки (Б.Г. Кубалов, Ю. Надточий³); выходят работы, посвященные участию декабриста в крестьянской реформе (Н.А. Рабкина⁴).

Имя Батенькова возникает в статьях по эстетике и философии; намечается попытка переосмыслить следственные материалы (В.А. Западный⁵), политические идеи декабриста (Я.А. Гордин, А.В. Семенова, С.В. Осипенко⁶); первые же исследования, где в центре внимания оказались тексты Батенькова, выявили плодотворность подобных усилий, показали масштаб личности.

Но попытки понимания внутреннего мира Батенькова, предпринятые еще в начале XX в., привели к научному спору. Статья М.О. Гершензона⁷, вызвала возражения: предположение, что духовный кризис Батенькова повлиял на его добровольное пребывание в рavelине, показалось неубедительным. Следом вышла статья Б.Л. Модзалевского⁸: автор привел неизвестные выдержки из тюремных записок, доказывая, что он был «психически больным человеком», но и эта позиция вызвала замечания, заставила искать новую аргументацию.

Вопрос о психическом состоянии узника был важен в связи с новым прочтением его записей; и то, что тексты выступали теперь на первое место, привлекали своеобразием, было важно. В дискуссию вступил С.Н. Чернов⁹, ко-

¹ Кодан С.В. Устав об этапах 1822 года // Государственно-правовые институты самодержавия в Сибири. Иркутск.: ИГУ 1982. С. 24-40.; Быконя Г.Ф. Взгляды Батенькова на русское заселение Сибири // Декабристы и Сибирь. Новосибирск.: Наука. 1977. С. 65-73.; Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Омск.: ОГУ. 1995. 236 С.; Шерстова Л.И. Этнополитическая история тюрков Южной Сибири в XVII - XIX вв. Томск.: ТПУ. 1999. 432 с.; Осипенко С.В. Из проектов Батенькова по преобразованию государственного устройства // Вестник МГУ. Сер. 8. 2003. №1. С. 40-53.

² Баландин С.Н. Декабрист Батеньков – инженер-строитель // Известия СО АН СССР. Вып. 3. 1975. №11. С. 92-97.; Прибыткова А.М. Архитектурные работы декабриста Батенькова // История СССР. 1975. №6. С. 209-216.

³ Кубалов Б.Г. Несколько страниц к биографии сибиряка-декабриста // В сердцах отечества сынов. Иркутск.: Восточно-Сибир. кн. изд-во. 1975. С. 201-211.; Надточий Ю. Декабрист-сибиряк // Югра. 1993. №3. С. 39-48.

⁴ Рабкина Н.А. Декабрист Батеньков в годы револ. ситуации. // Исторические записки. Т. 96. М.: Наука. 1975. С. 174-196.

⁵ Западный В.А. Следственное дело декабриста Батенькова // Вестник МГУ. Сер. 8. 1984. №4. С. 54-66.

⁶ Гордин Я.А. Мятеж реформаторов. Л.: Лениздат. 1989. 395 с.; Семенова А.В. Временное революционное правительство в планах декабристов. М.: Мысль. 1982. 205 с.; Осипенко С.В. Из архива декабриста Батенькова // Вестник МГУ. Сер. 8. 2003. № 4. С. 20-33.

⁷ Гершензон М.О. Батеньков // Русские пропилеи. Т. II. М.: Изд-во Сабашниковых. 1916. С. 20-27.

⁸ Цит. по.: Модзалевский Б. Декабрист Батеньков // Алексеевский рavelин. Кн. I. Л.: Лениздат. 1990. С. 88.

⁹ Чернов С.Г. Вступительные замечания // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х гг. Т. II. С. 55-87.

торый тоже способствовал публикации новых источников, хотя его позиция отличалась догматизмом (попытка показать «социально-политический консерватизм» декабриста, будто бы характерный для неродовитого дворянина).

Между тем разговор о миропонимании оказался полезным, требовал продолжения; в 1936 г. вышла подборка батеньковских писем, которую предваряла статья А.А. Сабурова. Он концентрировал внимание на литературных связях Батенькова, показывал отношения с семьей Елагиных, «одним из главных гнезд философствующего дворянства»; в его глазах декабрист предстал разносторонней и цельной фигурой, интересным мыслителем, который «в пределах своей... программы тверд, как Пестель, и глубок, как Николай Тургенев»¹.

Эта статья и переписка позволяли выйти на новый уровень в осмыслении Батенькова; письма давали богатую пищу для размышлений, настраивали на глубокий анализ. Но ожидания не оправдались: серьезные исследования были продолжены через много лет (не считая статьи Л.А. Куриловой об эпистолярном стиле декабриста²) и были связаны с именем Т.Г. Снытко; его статья³ стала первой работой, где предпринята попытка комплексного подхода к изучению взглядов Батенькова.

Биографическая часть статьи показывала устоявшийся взгляд на события; новаторской оказалась та ее часть, которая отражала внутренний мир, приближала понимание взглядов. Для автора Батеньков был крупный мыслитель, стоявший на идеалистических позициях; подводя к мысли о самобытности его поэзии, литературно-критических работ, Снытко подчеркивал важные мировоззренческие моменты. Батеньков предстал поэтом, своеобразие которого было так отчетливо, что для понимания сложных его текстов следовало углубиться в психологию, мироощущение, религиозные взгляды.

Так поступил А.А. Илюшин⁴ который задумался над эстетикой, манерой письма декабриста; поэтические тексты Батенькова становилась предметом анализа прежде (Б.С. Мейлах⁵) и обращали на себя внимание позже, но приблизиться к пониманию его литературного творчества удалось только Илюшину. В типично декабристской биографии Батенькова он разглядел особые черты, показал, что высокий духовный настрой сочетался в нём с приземленностью и честолюбием, свойственным многим одаренным натурам. Вчитываясь в строки узника, Илюшин находил в них глубокий смысл; первым после Карцова, он попытался проникнуть в «тайны духа» одинокого стихотворца.

¹ Сабуров А. А. Декабрист Батеньков // Письма Батенькова, И.И. Пущина и Э.Г. Толя. М.: ГБЛ. 1936. С. 11

² Курилова Л. Эпистолярный стиль декабриста Батенькова. // Наукові записки Харківського Державного Педагогічного Інституту. Т. VII. 1941. С. 57-77.

³ Снытко Т.Г. Батеньков – литератор // Декабристы-литераторы. Т. 60. Ч. II. М.: АН СССР. 1966. С. 300.

⁴ Илюшин А.А. Поэзия декабриста Батенькова. М.: МГУ. 1978. 186 с.

⁵ Мейлах Б.С. «Тюремная песнь» Батенькова // Декабристы и русская культура. Л.: Наука. 1976. С. 295-308.

Его выводы признавались бесспорными, ставшие достоянием литературы стихи поэта получили известность. Вопрос подлинности части батеньковских стихотворных текстов, который поднял М.И. Шапир¹, правда, заставлял взглянуть на книгу несколько по-иному. История с пропавшей рукописью наводила на размышления: если тетрадь, хранившаяся в одном из архивов, исчезла, версия о фальсификации обретала основу. Но не получила развития, лингвистический анализ не позволил прийти к убедительным выводам (сложность заключалась в своеобразии творчества поэта).

Изучая его тексты, Шапир отмечал ум, дарования, сложность мировоззрения декабриста, и приходил к тем же выводам, что В.М. Зверев². Мысль о том, что проблему духовных поисков декабриста нужно увязывать с особенностью его творческой манеры, была не нова, но догадка получила обоснование лишь позже, чему способствовала статья О. Ронинсона³ о «странном языке» узника.

Интерес к внутреннему миру декабриста возрастал; теперь и жизнеописательные работы (А.А. Брегман⁴) получали выход на мировоззренческие проблемы. Причем в отношении Батенькова такой подход был единственно верным: оценивать поступки, сказавшиеся на судьбе, и саму его судьбу можно было, лишь углубившись в духовный мир, опираясь на письма.

В том же ключе, охватывая различные стороны мировоззрения Батенькова, работали сибирские исследователи (Ф.З. Канунова⁵); при этом отдельные идеи, литературные связи Батенькова тоже оказывались в поле зрения исследователей; появились работы, которые характеризовали его философские взгляды (В.Н. Топоров⁶), масонские устремления, показывали религиозно-нравственные установки (Е.И. Анненкова, Ф.З. Канунова и И.А. Айзикова⁷).

Помещая Батенькова рядом с близкими ему писателями, эти авторы приходили к свежим трактовкам, принципиально новому пониманию взглядов; его духовное родство с Жуковским и Гоголем виделось органичнее, глубже и носило концептуальный характер. Но если его эстетические взгляды рассматривались в отношении к творчеству Жуковского и Гоголя, то этические, религиозно-философские представления предметом анализа становились реже.

---

¹ Шапир М.И. Стихотворное наследие Батенькова: проблемы текстологии и поэтики. Автореф. дис.... канд. филолог. наук. М. 1999. С. 27.

² Зверев В. Декабристы и философские искания в России первой четв. XIX в. // Декабристы и русская культура. С. 27-57.

³ Ронинсон О.А. Батеньков: «Учение о слове». // Ученые записки Тартуского университета. Литературоведение. Тарту. Вып. 883. 1990. С. 65–76.

⁴ Брегман А.А. Декабрист Батеньков. // Г.С. Батеньков. Сочинения и письма. Т. I. Иркутск. : Восточно-Сиб. кн. изд-во. 1989. С. 3–88.

⁵ Канунова Ф.З. Батеньков и проблемы сибирской культуры. // II-е Макушинские чтения. Томск.: ТГУ. 1991. С. 6–8; она же. Батеньков и религия // Культура отечества: прошлое, настоящее, будущее. Вып. II. Томск. 1994. С. 62–64; она же. Томск в литературной судьбе Батенькова // Русские писатели в Томске. Томск.: Водолей. 1996. С. 39–58.

⁶ Топоров В.Н. Об индивидуальных образах пространства. // Миф. Ритуал. Символ. Образ. М. : Прогресс – Культура. 1995. С. 446–475.

⁷ Анненкова Е. Гоголь и декабристы. М.: Прометей. 1989. 173 с.; Канунова Ф.З., Айзикова И.А. Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия. Новосибирск.: Сибирский хронограф. 2001. 304 с.

Его сложное мировосприятие оставалось нераскрытым, эволюция взглядов не нашла отражения; получилось, что «Батеньков - общественный деятель... изучен больше и полнее, чем Батеньков - философ... хотя материалы для такого изучения прекрасные»¹.

Вдумчивой оценки ждали общественно-политические взгляды: изученные не вполне точно, они служили призмой, через которую рассматривали всё его мировосприятие, а поскольку важность воззрений ставили в зависимость от степени радикализма, умеренный Батеньков отходил на задний план или упоминался лишь как жертва самодержавия; в большинстве же работ особенность его личности, взглядов показаны скупо, схематично, не всегда достоверно.

Вопрос о миропонимании увязывали с развитием освободительного движения и рассматривали разные стороны батеньковского наследия с этих позиций, обедняя представление о незаурядном поэте и философе; отсюда упрощение, сужение взгляда на эту фигуру. Декабрист, которому посвящено «больше работ, чем о Пестеле», вызывал интерес, но «обилие напечатанных материалов не проясняло истинного лица этого крупного деятеля» декабризма².

Работы, касавшиеся характерных для Батенькова мировоззренческих вопросов, появились, когда наметилась тенденция к переосмыслению ключевых фигур эпохи. Он предстал, как мыслитель, который одним из первых русских философов сделал предметом изучения внутренний мир; оказалось, его духовные поиски были близки ранним славянофилам, его мысли о религии, науке и искусстве перекликались с идеями Жуковского, Гоголя и Льва Толстого.

«Батеньков принадлежал к числу тех редких людей, которым дана способность... созерцать стихийные движения своего духа»³, – писал Гершензон, утверждая, что декабрист предвосхитил учение Льва Шестова. С тем же правом его можно назвать предтечей выдающихся христианских философов (Булгаков, Бердяев, Соловьев); понятый противоречиво или «поразительно упрощенно», он был «редчайший представитель особого типа русского сознания»⁴, для которого жизнь духа важнее внешних обстоятельств. Но как мыслитель Батеньков остается непонятым; он сам оценивал свои достоинства скромно («я философ такой страшной, что читателю неловко, нескладно, опасно... было б со мной спорить... я поэт, и поэзия моя... не легче моей философии»⁵).

Записи Батенькова вызывали полярные мнения: в них видели «тайны прозревшего духа» и «болезненный бред», и все же стоит признать: он был характерным представителем передового русского общества, являл «яркий образ фи-

---

¹ Канунова Ф.З., Айзикова И.А. Указ. соч. С. 117.

² Снытко Т.Г. Указ. соч. С. 289.

³ Гершензон М.О. Указ. соч. С. 23.

⁴ Топоров В.Н. Указ. соч. С. 449.

⁵ Иркутский мемориальный музей декабристов. Фонд А.А. Брегман. (РГБ. Ф. 20. К. 1. Е. Хр.7. Л. 1).

лософствующего идеолога... способного к глубокой критической мысли», оставаясь «почти собирательным общественным типом»¹.

Таким образом, несмотря на обширную историографию, проблема понимания эволюции его личности, мировоззрения остается мало разработанной.

Объект исследования – духовные поиски, особенности миропонимания части российской интеллектуальной элиты первой половины XIX в.

Предмет исследования – эволюция личности и мировоззрения Батенькова, его миропостижение, глубокий и своеобразный внутренний мир.

Цель работы – выявление особенностей развития личности декабриста в историческом контексте России первой половины XIX в.; событийная канва представлена как отражение развития мировоззрения, которое являло сложное переплетение эволюционирующих на протяжении всей жизни идей.

Это определило **задачи исследования**: выделение существенных элементов системы воззрений, анализ их динамики; систематизация наиболее важных идей; рассмотрение духовных поисков, религиозных переживаний Батенькова; определение его места в кругу современников, общественно-литературных деятелей, истории социально-политической мысли России первой половины XIX в.

Научная новизна – в комплексном, системном подходе к изучению внутреннего мира декабриста, в сопоставлении его взглядов с установками других деятелей эпохи.

Впервые его мировоззрение рассмотрено, как сложная, гармоничная, развивающаяся система философских, эстетических, общественно-политических взглядов, определена их значимость, предложено новое их «прочтение». Его государственно-правовые взгляды показаны в сопоставлении со взглядами Сперанского; показана его роль в подготовке восстания, выявлены обстоятельства духовного кризиса.

Впервые показаны религиозно-философские взгляды периода ссылки, анализируется его отношение к социальным проблемам, основным течениям русской общественной мысли середины XIX в.; обращено внимание на духовные искания Батенькова, связь со ссыльными декабристами, петрашевцами; исследовано творчество этого периода, дана общественно-политическая позиция в годы царствования Александра II, раскрыто миропонимание калужской поры; рассмотрены ключевые работы позднего периода жизни.

Методологическая основа работы – восходящий к трудам Гершензона и свойственный современным трудам способ исследования через изучение внутреннего мира исторического деятеля.

«Каждый из декабристов... вёл себя неповторимым образом»², отмечал Ю.М. Лотман, обращая внимание на особенности реализации исторических за-

¹ Курилова Л.А. Указ. соч. С. 51.

² Лотман Ю.М. Избранные статьи в 3-м т. Т.1 Таллинн.: Александра. 1992. С. 298.

кономерностей, которые связаны с историко-психологическим обликом деятелей эпохи.

Человеческая сущность декабристов так же важна, интересна, как социально-политические взгляды; духовное их развитие нужно показывать в контексте реальных событий, а историю общественного сознания – через миропонимание, эволюцию взглядов крупных деятелей эпохи; принцип историзма является здесь основополагающим.

Выявление сути исторического процесса тем важнее, чем более крупную, сложную личность рассматриваем; человек «нестандартного поведения, выходящего за пределы традиционных норм и социально признанных альтернативных моделей»¹ приковывает наше внимание. В этом проявляется интерес к «интеллектуальной истории» – той сфере, где история культурного развития общества, философской мысли рассматривается в русле социальной истории.

Это важнейший подход, который обязывает расширять границы исторического познания, выходить в смежные области гуманитарной науки, поскольку «в изучении прошлого нет резких водоразделов... историк не может без ущерба для профессиональной деятельности замкнуться в своей специализации»².

Раскрытие сложной системы воззрений заставляет комбинировать, искать пути погружения в сферу духа, подвигает к тому, чтоб использовать разные методологические инструменты. Одним из приемов исследования при этом выступает сравнительный анализ; важны и методы, используемые в гуманитарных науках: описательный, аналитический, метод аналогии.

Источниковая база. Первая группа источников – опубликованные и неизданные тексты декабриста. Это сборники писем (московский и иркутский, подборка Гершензона), важные для понимания религиозно-философских, эстетических воззрений декабриста; публикация Литературного музея³ (23 письма, адресованных Елагиной, Пущину); письма декабриста к Оболенскому, Штейнгию и Пущину⁴, письма к нему (Муравьев-Апостол, Трубецкой, Якушкин, Фаленберг, Н. Бестужев⁵).

Значительная часть рукописного наследия Батенькова находится в РГБ; в данной работе использованы воспоминания⁶, известные, мало упоминавшиеся («тюремные тетради»⁷) и неизвестные (наброски к «Нескладному роману», фи-

¹ Репина Л.П., Зверев В.В., Парамонов М.Ю. История исторического знания. М.: Дрофа. 2006. С. 267.

² Там же. С. 268.

³ Декабристы. Летописи Государственного Литературного музея. М.: ГЛИМ. Кн. III. 1938. 562 с

⁴ Русская старина. 1901. Т. X. С. 101-108; Русская старина. 1889. Т. VIII. С. 333–358; Сибирь и декабристы. Иркутск.: Восточно-сибирское книж. изд-во. 1981. Вып. II. С. 193–210.

⁵ Декабристы. Новые материалы. М.: ГБЛ. 1955. С. 245–250, 297–303; Декабристы. Неизданные материалы и статьи. М.: Всесоюзное общ-во политкаторжан. 1925. С. 255, 262; Декабристы. Летописи ГЛИМ. С. 223, 226, 330–331.

⁶ Батеньков Г.С. Повесть собственной жизни // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х г. Т. II. М.: Общество политкаторжан. 1933. С. 88 -111; он же. Массонские воспоминания. // Вестник Европы. Кн. VII. 1872. С. 268–277.

⁷ Институт русской литературы и искусства (ИРЛИ). Ф. 265. Оп. 2. Д. 133. Л. 1–36 об.

лософские заметки¹) работы Батенькова, следственные материалы².

Мемуарная литература составляет 2-ю группу источников: двухтомник «Русских мемуаров»³ и сборники вышедших в МГУ документов⁴; серия «Библиотеки любителей российской словесности» (труды В.Ф. Одоевского, П.Я. Чаадаева⁵); воспоминания, статьи, письма декабристов, изданные в иркутской серии «Полярная звезда»⁶, которые также невозможно обойти вниманием, изучая миропонимание Батенькова и близких ему по духу декабристов, таких как М.А. Фонвизин, В.И. Штейнгель, Н.А. Бестужев, С.Г. Оболенский.

В 3-ю группу входят материалы, хранящиеся в сибирских архивах (Томск, Омск, Иркутск), Петербурге (ИРЛИ) и Иркутском мемориальном музее декабристов: служебная переписка, письма и автографы некоторых важных работ декабриста. В научный оборот введен ряд документов, предложен анализ текстов, в т.ч. неопубликованных. Благодаря работе над фондом А.А. Брегман, составителя 1-го тома писем Батенькова («Полярная звезда»), и участию в издании 2-го тома в научный оборот вовлечен большой массив писем, рассмотрены не публиковавшиеся труды («Записка по вопросу об отмене крепостного состояния», «Нечто об истории»).

Фонд Брегман в Иркутском музее декабристов до настоящего времени не описан и не систематизирован (в настоящей работе даются двойные сноски: на индивидуальный фонд и на исходные места хранения документов). Самый значительный интерес в этом комплексе документов представляют письма декабриста, которые «изумляют исключительной силой воли и любви к людям», позволяют «приподнять завесу над личной жизнью Батенькова»⁷.

Практическая значимость. Работа подвигает в понимании общественного сознания, позволяет проецировать не утратившие актуальности идеи прошлого на сегодняшнюю ситуацию. Сделанные выводы можно использовать в образовательном процессе, при подготовке трудов по истории России.

Апробация. Результаты исследования представлены в 13-ти публикациях (в том числе в трех рецензируемых изданиях), изложены на конференциях в Томске, Барнауле, Иркутске, Ялуторовске.

Структура работы. Текст диссертации (его предваряет введение) распадается на три главы. В завершающей части говорится о значении личности Батенькова, важности его духовных открытий, указан список источников, представлена библиография.

¹ Иркутский мемориальный музей декабристов. Фонд Брегман (РГБ Ф. 20 К.1 Е.Хр.7 Л.1-1 об.; РНБ Ф.49 О.4 Д. 5 Л.1-2 об).

² Восстание декабристов. Под ред. М.В. Нечкиной. Т. XIV. М.: Наука. 1976. С. 29-145.

³ Русские мемуары. М.: Правда. Т. I. 1989. 624 с.; Русские мемуары. М.: Правда. Т. II. 1990. 736 с.

⁴ Мемуары декабристов. Северное общество. М.: МГУ. 1981. 400 с.; Мемуары декабристов. Южное общество. 1982. 352 с.

⁵ Одоевский В.Ф. О литературе и искусстве. М.: Современник. 1982. 223 с.; Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М.: Современник. 1987. 367 с.

⁶ См. напр.: Штейнгель В.И. Сочинения и письма. Иркутск. Восточно-Сибир. книж. изд-во. 1985. Т. I. 608 с.

⁷ Иванова Л.М. Фонд Батенькова // Записки отдела рукописей. Вып. XIII. ГБЛ. 1952. С. 43.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** определены актуальность, предмет и объект исследования, сформулированы цели, методологическая основа, дан обзор источников.

Первая глава «Становление взглядов Батенькова» состоит из пяти разделов: показано формирование личности, даны сведения о ранних годах, исследованы его религиозные, философские, эстетические воззрения.

Стоит подчеркнуть разночинное происхождение Батенькова и то, что он вышел из набожной семьи. Формированию нравственных ценностей в детстве он был обязан отцу, но для него характерен собственный путь становления; он постигал мир чувством и разумом, и потребность в душевной гармонии сказывалась у него так же отчетливо, как в знаниях, которые он получал сам (в отличие от декабристов, окончивших элитные учебные заведения); нужно отметить и роль преподавателя Тобольского училища И.П. Менделеева, отца великого химика, одного из первых сибирских интеллигентов.

В кадетском корпусе проявляются качества, ставшие свойствами природы: независимость, сила духа; состояние рассудочности сочетается у него с мечтательным строем души. Военный поход оказал большое воздействие, завершив формирование личности; перед ним открывалась блистательная военная карьера, но, пытаясь жить в соответствии со своими представлениями (идеалистическими и в то же время трезво-рассудочными), он подал в отставку.

Стремление обрести духовную точку опоры, христианское мироощущение уживаются в нем с жаждой знаний, но раньше он обращал взгляд на себя, теперь больше на мир внешний, постигает действительность, прибегая к научным знаниям. Прежде ставил нравственные проблемы, сосредоточившись на духовном опыте, теперь пытается их решать, исходя из понимания общественных интересов. Его религиозное чувство менялось под влиянием времени и обстоятельств, религиозные поиски привели к масонству, религия скрепляла его взгляды, придавая им философскую завершенность.

Многих декабристов она притягивала, как комплекс идей, где находят выражение основополагающие этические проблемы, но для Батенькова «пространство веры» вмещало больше. Его можно поставить в один ряд с декабристами, которых отличало религиозное восприятие мира, в то же время он выделялся из этого круга; ему был присущ особый, метафизический путь богопознания, его тексты содержат понятия, обретающие корневое значение (душа, истина, «свет» внутренний и внешний). Способ метафизического постижения не противоречит у него с разумом, а расширяет его возможности.

Он осмысливал мир в тесной связи с христианским учением, но к богословию, церкви относился критически; одно из центральных понятий у него – доброта, важная добродетель: она определяет ценность человека, вырастая до значения символа; обладавшие этим качеством люди ему близки. В то же время нравственность у него – понятие социальное: углубленное миропостижение не препятствует выработке общественной позиции, подвигает к поступку, который воспринимается продолжением идеи (в этом специфика русского любомудрия).

Батеньков, человек переломной эпохи, стремился постичь законы бытия и усовершенствовать общественный быт, улучшая себя; у него создается гибкая способность души, помогающая формировать особый сплав идей и настроений (мечтательность и практичность, жажда знаний и тяготение к идеалистическому мировидению); это был новый тип личности «романтика-рационалиста» (В.М. Бокова). Такие люди воплощали дарования на службе и в поэзии, рассудочность уживалась у них с мистицизмом, вольтерьянство с набожностью.

Восприимчивый ко всем идейно-философским течениям, Батеньков был открыт для знаний, отвечавшим стремлению к гармоничному мировоззрению; вовлеченность в масонство видится продолжением этих поисков. Русское масонство, пестрое по содержанию, размытое по идеологической направленности, не было целостным учением; влияние его испытали многие, но мало кто сохранил верность ему до конца дней, как Батеньков: идеи масонства были им выстраданы, а не приняты слепо, прочно легли в фундамент его мировидения.

Батеньков был не просто адептом учения, он основал сибирское «братство»; погружение в мир масонских идей происходило у него в обстановке служебных неприятностей; его духовные ценности подверглись испытаниям: ему важно было отстаивать свое видение мира, и в этих сложных условиях он остаётся верен себе. Он расширил круг «просветленных», содействовал благотворительности томских масонов; позже, оказавшись в свите Сперанского, охладевает к «вольному братству», но не порывает с ним, а пытается воздействовать на действительность на более высоком, законотворческом уровне.

Основой сближения с реформатором послужила не общая масонская принадлежность (хотя цели преобразований не противоречили масонским устремлениям), мироощущение Сперанского и Батенькова не было сходным: в сибирскую пору первый сохранил стремление к «свету», понимание непреложности добрых поступков, но подходил ко всему с позиции разума. Его трактовка «разумного добра», рассудочного идеала была для Батенькова неприемлема: он был последовательнее, действовал в русле масонских предписаний более осознанно (масонское миропонимание нашло отражение в поэзии, воспоминаниях).

В учении масонов привлекала концепция, принципиально не отличавшаяся от христианской, импонировал особый подход к решению духовных проблем, проникновению во внутренний мир. Поиск целостной философской системы, которая не противоречит выработанным взглядам, а дополняет их, привела Батенькова к учению немецких идеалистов. Часть русского общества увлекла в ту пору «жажда абсолютной теории», которая бы охватывала все сферы жизни, отвечала на все животрепещущие вопросы бытия.

Такой универсальной теорией выделялся объективный идеализм, шеллингианство, создававшее ощущение нового видения мира, помогавшее преодолеть кризис просветительской философии, который породил недоверие к разуму. Идеи Шеллинга устраняли антагонизм веры и разума, встраиваясь в картину мира образованных русских дворян, не противоречили христианскому учению.

Батеньков «вздумал пересадить Шеллинга на русскую почву»; философ удовлетворял потребность в диалектическом знании, провозглашал тождество материи и сознания, шеллингианский «закон полярности» явил начало диалектического идеализма. Другим открытием, востребованным у русских мыслителей, стала натурфилософия; увлекал культ одухотворенной природы, которая представляла, как живой организм, созданный божественной волей.

Учение это Батеньков воспринял глубже, чем Елагин, на более широкой эмпирической основе, чем В.Одоевский; общим же было понимание важности взгляда, при котором человек выделялся связующим звеном двух миров, естественного и божественного: их привлекало представление о человеке, сочетавшем земное и небесное. Батеньков постигал мир «по Шеллингу», но многое сближало его с русскими просветителями, тяготевшими к философии, которая бы позволила избежать двух крайностей, эмпиризма и иррационализма.

Влияние интеллектуальных авторитетов на него не было определяющим, он вырабатывал свою позицию, был далек от того, чтоб целиком принять концепцию деизма, «выводившего человека из-под опеки Бога», но открыт для господствовавших в обществе идей, впитывал знания, расширявшие кругозор. Влечение к книге он испытывал с ранних пор: книга будила мысль, воспитывала чувства, погружала в мир возвышенных идеалов и поэтических образов.

Пристрастие к чтению породило интерес к литературным явлениям, велико влияние на него основателя сентиментализма Карамзина, первым попытавшегося сблизить литературу с жизнью, показать внутренний мир человека. Дух времени заставляет увлечься творчеством романтиков; он стремится ближе узнать Жуковского, ищет с ним знакомства «из склонности любить добрых».

Формируется система знаний, где важны и прочны все элементы (изысканная словесность, духовные книги, специальная и научная литература); под влиянием Сперанского он изучает право, законодательство, занимается переводами; в петербургский период формируется его библиотека, он знакомится с рядом издателей и писателей, следит за полемикой, входит в Общество любителей российской словесности. Литература способствует становлению гражданской позиции; эстетические вкусы его не меняются, но мятежные байроновские герои привлекают его меньше, чем герои Сервантеса.

Эстетическая позиция Батенькова проявляется и в том, как он реагирует на спор «защитников старого и нового слога»; значение спора ему понятно: он служит продолжением дискуссии о путях развития самобытной русской культуры, отражает борьбу мнений консерваторов и либералов. Но он и тут избегает крайностей: ценя богатство родного языка, приветствует его обновление, участвует в работе по составлению новой грамматики.

Вторая глава «Общественно-политическая позиция и деятельность» состоит из пяти разделов: рассмотрен характер инженерных работ, дается анализ мировоззренческих установок Сперанского, отношение к Сибири его и Батенькова, их сибирская концепция, рассмотрены отношение к военным поселениям, социально-политические взгляды, участие в восстании 1825 г.

Батеньков-инженер подтвердил репутацию деятельного, знающего человека, но двойственное положение, вынуждавшее считаться с мнением столичных властей и местного губернатора создает почву для конфликта (архивные материалы позволяют проследить ход строительства батеньковских объектов).

Пристрастное отношение к нему сложилось под влиянием сибирского генерал-губернатора (истинная причина недовольства – нерадивость местных властей); документы позволяют увидеть его гражданскую позицию, раскрывают человеческие и профессиональные качества; не уподобляясь гонителям, он поступает в духе масонских установлений: как масон, желает преобразовать действительность и трудится над собой, обрабатывая «дикий камень» души.

Сближение со Сперанским объяснялось схожестью взглядов и судеб: оба происходили из бедных, незнатных семей, «сделали себя» сами, благодаря дарованиям, оба знали действительность; сближало и глубокое религиозное чувство. Влияние Сперанского на образ мыслей декабриста, отношение к государству и власти, либеральные воззрения общеизвестно, отношения их складывались, однако, в форме содружества, а не подчинения: налицо было взаимообогащение и взаимовлияние (что сказалось при выработке сибирских законов).

Взгляды Сперанского претерпели эволюцию; время, к которому относится сибирская деятельность, сделало его мягче, человеколюбивее: это, а не твердость убеждений привлекало Батенькова. Он принял идеи «учителя» (равенство перед законом, постепенность реформ, идею истинного монарха), но управлять умом, как Петр I, считал, уже мало; его первый законотворческий опыт вызвал возражение, и все же он полагал, что разумные законы не могут действовать в безнравственном обществе (создать их проще, чем переделать людей).

Ему было присуще христианское отношение к сложной человеческой натуре, он исходил из природы реального, а не абстрактного, как у Сперанского, человека; видел достоинства и недостатки Сибири, сознавая себя частью этой среды, а Сперанский не понимал Сибирь, смотрел на нее с предубеждением, не имел вначале программы мер. У каждого вырабатывался свой взгляд (стоит признать близость батеньковских идей взглядам ранних областников), и разность подходов сказалась при выработке законопроектов: Сперанский исходил из силы права, Батеньков – из силы нравственности.

Пакет законопроектов 1822 г. вырастал из статистических данных, создавался в обстановке исканий, споров: это было равноценное сотрудничество «учителя» и «ученика». В то же время несходство позиций легко усмотреть при анализе Устава о ссыльных и Устава об управлении инородцев; разным было и толкование закона: один понимал его, как «умный вывод из оснований народной жизни», а другой хотел лишь «предоставить Сибири логичное, прочное юридическое устройство», создать модель, применимую для всех окраин.

Признавая, что идеи, содержащиеся в своде законов 1822 г., воплотить в полной мере не удалось, он не склонен был винить за неуспех Сперанского; сознавая, что его уступчивость вела к ослаблению проекта реформ, продолжал верить в целесообразность перемен сверху, силу общественного мнения, возвращение власти к либеральному курсу (она, как предписано «свыше», должна заботиться о народе), и это сказалось в ходе работ под началом гр. Аракчеева.

Позиция Батенькова, чье восприятие «гения зла» лишено категоричности, особая: он смог увидеть то, чего не видели современники; анализ его позиции подвигает к переоценке этой сложной фигуры, помогает понять, почему Александр I нуждался в Аракчееве, который «чутко улавливал консервативные тенденции в его настроении» и был инструментом самодержавной политики.

Основу его сотрудничества с Батеньковым заложила работа по Сибирскому комитету, а не военным поселениям; он был знаток военных наук, математики, обладал трудолюбием и решимостью. «Чувствуя влияние графа на свой нрав», Батеньков не спешил осуждать поселения; инициатором их был импера-

тор, которого связывали с Аракчеевым более прочные узы, чем со Сперанским, хотя граф продолжал усердно служить незрелой идее, роняя престиж государя, что тяготило Батенькова.

Увлечшись карьерой, он был «уважен», выполняя вредное, по сути, дело; ощущал неизбежность потрясений, но как государственник, участвующий в реформах, как верующий, отвергал насильственные меры (по Тютчеву, «революция враг христианства»).

«Богоданный» дар власти, считал он, состоит в том, чтоб употребить силы на благо людей (преобразования прочны, когда вводятся законно, постепенно); идеи его были близки положениям раннего тайного общества, Союза Благоденствия. Политические его убеждения выросли из знания реалий, понимания прогресса, как мирного поступательного движения; мысль М. Цейтлина о «книжном» характере радикализма молодых заговорщиков представляется верной, а попытка видеть Батенькова «революционным» неправомерной.

Расчитывая на сильный парламент, всматриваясь (как Карамзин) в английский конституционный опыт, он ратовал за создание условий для преодоления феодальных пут. Почему умеренный Батеньков примкнул к заговорщикам, вопрос сложный; нужно учитывать ощущение личной ответственности за неудачные опыты правительства (сибирские реформы, военные поселения), желание исправить ошибки, и самолюбивое стремление встать вровень со знатными вождями восстания.

Уникальная ситуация межцарствия сделала возможным добиться своего мирным путем: он призывал к смене власти «требованием, а не мятежом». Его конституционный проект – взгляд на текущее положение и обоснование будущего государственного строя (конституционная монархия), хотя его политические труды не отличались глубиной и системным подходом, как у Н. Муравьева. В то же время, в отличие от пылких молодых заговорщиков, он видел ситуацию масштабнее; его проекты имели много общего с записками Мордвинова (либерализм не противоречил освободительным идеям, был с ними связан).

Недооценивая силы тайного общества и переоценивая готовность сановников пойти навстречу заговорщикам, Батеньков сыграл важную роль в подготовке восстания (план Трубецкого был отчасти его планом); его предложение возвести на престол цесаревича (приглашение государя на определенных условиях), имело исторические корни и выглядело, как законная смена власти.

Третья глава «Особенности мировоззрения последекабристского периода» включает пять разделов: рассмотрено следственное дело, показаны причины душевного кризиса, миросозерцание периода заключения, религиоз-

но-философская концепция и общественная позиция в годы ссылки, представлены взгляды калужского периода.

Сторонник мирных реформ, формально не принятый в заговор, отвергавший царевубийство, Батеньков мог оправдаться, но сам отрезал пути к спасению; юридическая сторона дела для него была равноценна этической, правовую вину он рассматривал вместе с нравственной. Мало кто из декабристов подверг себя столь жестокому самоосуждению; он признавал, что примкнул к заговору вопреки убеждениям, хотел стать «лицом историческим»; честолюбивые замыслы свойственны были не ему одному, но не многие вершили суд совести так беспощадно: он вел борьбу со следствием и своей «греховной» природой, пытался оправдаться перед властью и «высшей судьей».

Но в одном пункте (непричастность Сперанского) стоял на своем: «искать спасения в клевете» не хотел, сознавая жертвенную свою роль, что отразилось на поведении, став причиной показания от 18 марта 1826 г., где он назвал себя главным лицом заговора и дал блестящую характеристику восстания, не соответствующую взглядам: это было стремление подписать себе приговор до решения суда («просил смерти», считали друзья). Он подверг себя наказанию более страшному, чем официальный приговор, но его состояние «очистилось», он получил «моральное воскресение», считая наказание целительным.

Понимал меру опасности и Сперанский: его поведение на следствии, участие в работе суда известно; он готов был повиниться, искупить связь с заговорщиками (видится несостоятельным мнение о его решимости спасти Батенькова).

Декабрист признавал, что он сделал его заложником своей безопасности, не пытаясь облегчить положение, но наказание Батеньков считал неизбежным, усматривал здесь «волю небес» и надеялся пронести «крест» безропотно.

Эту тему видим в записках других декабристов, и для них важна потребность пересмотреть образ мыслей, совершив внутреннюю работу; люди пушкинской эпохи были подготовлены к этому литературой романтиков, идеалистической философией. Поражение в восстании обозначило духовный перелом, но кризис был неизбежным («смутный инстинкт нравственного блага», о котором писал Чаадаев, толкал к этическим поискам); приходило понимание, что в основе движения к государственному переустройству лежит духовный прогресс, без нравственного улучшения нет общественного развития.

В крепости декабристы стали рассматривать поступки с точки зрения религиозно-нравственных установлений, мало кто избежал духовного кризиса, но причины его были разными (как и мотивы обретения веры); в этих условиях

Батеньков не возвращается к вере, он не порывал с ней, а освобождает от того, что мешало «просветлению»; его кризис длился дольше, был глубже и не привел к потере рассудка, а обогатил новым опытом, дал раскрыться дарованию.

Батеньков проявил себя, как наследник русских мыслителей XVIII в., но глубже осмысливал проблему человека, его сущности (доступной якобы лишь сверхчувственному познанию); масонская традиция помогала углубить эти поиски, увязав философию с этикой. Интересна в этом смысле поэзия периода заточения: здесь он впервые ставит сложные философские вопросы, которые будут важны для него всю оставшуюся жизнь: вера и разум, жизнь и смерть, свобода воли и предопределенность, «божественное» величие человека.

Глубокий внутренний перелом 1828 г. отражен в текстах тюремной поры; он пережил потрясение: ему было дано «откровение», он ощутил пророческий дар. Признания, получившие превратную оценку, вытекали из нового мироощущения; сказалось присущее романтикам представление о творчестве, как ниспосланном «свыше» даре, когда поэт парит духом, творит свой мир.

Потрясение помогло обрести духовную свободу в неволе, несчастья воспринимались в масонском духе, как благоприятный предлог к самопознанию, улучшению натуры. «Возвысив» дух, приблизившись к «свету», можно было подняться над обстоятельствами, и смерть отступала; это светлое мироощущение заметно в тюремной поэзии. Обретя способность видеть «внутренним зрением», он провозглашал новые истины, хотя поэтом себя не считал.

Не социальная проблематика волновала его более всего, не политическая мысль видна в трудах этой поры, а проблемы философско-нравственные, которые осмысливаются в «тюремных тетрадах»; сложная для восприятия, эта рукопись отражает не только ход мыслей, но и «предощущение» мысли.

В центре мироздания, по Батенькову, «живой всемогущий Бог» (без богопознания, считал, не осознать мир и себя, как часть мира, божественное начало заметно и в «грубой» материи). Споря с «бездушным» материализмом, он рассуждал о науке и вере, особенностях исторического развития России; здесь выразилась жажда целостного гармоничного мировидения, стремление «соединить философские размышления и социальные тезисы» (Е.И. Анненкова), подняться над историческими событиями и собственной судьбой.

Ошибочно полагать, что Батеньков отстал на целое поколение и ему сложно было понять современность; оказавшись вне реального мира, он двигался, в целом, тем же путем, ставил те же вопросы, что другие; в частности, Чаадаев, которого тоже объявили лишенным рассудка (чаадаевские утопии окрашены в религиозные тона, как и мысли Батенькова).

Современным оказалось и пристрастие к идеям Шеллинга, интерес к которым возродился; в этих поисках Батеньков был последовательней и глубже других, развивал идеи в значимом для русского философствования направлении: через проблемы человеческого существования – к вселенским проблемам, а от них вновь к человеку. Думая о будущем России, он предвидел потрясения и пытался предостеречь власть, которая не вняла его доводам.

Период ссылки – важный этап в эволюции взглядов и личности Батенькова; он жалел об уединении, где, отрешенный от мира, был «ближе к богу» (как Кюхельбекер), вспоминал как о высшем благе свою «просветленность», и при этом занимал активную позицию, писал статьи: несвобода внешняя не мешала проявлению внутренней свободы, раскрытию духовного потенциала.

Антропологические понятия он рассматривал в контексте общих проблем онтологии, но раньше ему было важно погрузиться во внутренний мир, теперь он задумывается больше о человеке, как таковом, его месте в мироздании; в молодости окрашивал рациональное видение мира в религиозные краски, совмещал веру с научными знаниями, теперь был убежден, что вера нужнее знаний, призывал жить умом и чувствами, которые «совершенней».

Но, помещая человека, главное творение бога, в центр вселенной, всё так же соотносит мир видимый с идеальным, сожалея о несовершенстве первого. Его тяготят нравы сибиряков (безбожие нужно «лечить, как болезнь»), он видит: прогресс не затронул главного, человеческой сущности, «железный век» стал золотым не в духовном, а в материальном отношении. Раньше он пытался исправить мир путем добрых законов, разумного управления, – теперь думает, что прежде нужно исправить людей, сделать жизнь «нравственно строгой».

«Мена эпох» знаменовала наступление цикла, в котором не видно духовной силы, но он верит в человека, возрождение нравственности; сохранив приверженность к романтизму, считает: поэзия должна «освещаться» верой, эстетическая и философская красота сливаются у него, образуя целостное понятие.

В системе его идей «человек – общество – мир» связующее звено социум; он хотел соединить частное с общемировым, «космос души» и вселенское пространство. Социально-экономическая проблематика обретает теперь особую важность, но он не совершает «открытие Сибири», как другие декабристы, его интересуют динамика и причины, по которым идеи Сперанского не выдержали проверку временем. Потенциал Сибири велик, она должна развиваться самостоятельно, обладая всеми правами, как часть федерации, считал он; буржуазное развитие – необходимость, оценивать которую следует по этическим нормам: власть золота осуждать, а то, что делает человека лучше, поддерживать.

Вернувшись из ссылки, декабристы включились в полемику, признавая за благо консолидацию лучших сил общества, ощущая преемственность русской освободительной идеи; молодые либералы и декабристы имели много общего – их сближали идейное родство, внутренняя свобода, патриотизм, терпимость к инакомыслию, моральная мотивация политических целей.

Батеньков одним из первых стал осмысливать «мену эпох», пытался «служить добру» в союзе с правительством, но понимал: преодолеть внешние препятствия, мешавшие развитию проще, чем совершить нравственный перелом. В спорах с петрашевцем Толем он отстаивал верховенство духа, в его письмах звучит мысль об ущербности социалистической теории; он возвращается к фигуре Сперанского, что актуально в канун новых реформ, дает оценку Аракчееву (твердый, осторожный государственный деятель, склонный к постепенным шагам, – в новых условиях эти качества важны, как и нравственная твердость).

В калужскую пору он выражает отношение к идейным спорам; как человек европейской культуры, близок к мнению Чаадаева, но не противопоставляет чужой опыт «особому» русскому пути. Высоко ставя достижения Запада, признает, что западники недооценивают национальный фактор, духовное начало в народе; принимая славянофильскую идею народного образования и общественного воспитания, не поддерживает прославление «святой старины».

Его позиция вне полярных оценок, принципиально не противоречит двум направлениям русской идеи; в то же время в сфере интеллектуальной очевидно его родство со славянофилами Киреевскими: тут была прочная идейная, эстетико-философская связь при схожести трагических судеб; родство ярких мыслителей XIX в., Ивана Киреевского и Батенькова, прослеживается по многим философским вопросам и новой трактовке «психического строя личности».

Величие народа проявляется в сражениях, в обычное время народ склонен действовать, как грозная, слепая сила, считал Батеньков; он выступал за народное просвещение, верил, что в недрах народа – духовное начало, которое нужно развить. Признавая за дворянством ведущую роль, участвовал в работе калужского Комитета по освобождению крестьян, излагал свои взгляды, считая важным этический подход в решении важных социальных проблем.

Признавая одно потрясение, «революцию в душах», Батеньков ожидал в людях нравственного перелома, но понимал, как сложно его осуществить. Он возвращается к просветительским идеям, осмысливает их на новом этапе («закон цикличности» распространяет на социальную сферу); отсюда переключки с идеями Сперанского по вопросам природы власти, теории государства, но эти идеи у Батенькова получают развитие, он осмысливает их на новом материале.

Заключение. Если рассматривать взгляды Батенькова, как упорядоченную систему воззрений, станут очевидны масштаб этой личности, своеобразие его миропонимания. Он способствовал развитию общественного сознания, социальной морали, государственно-правовых взглядов, сыграл важную роль в становлении русской философии и философской литературы; он был блестящий поэт-мыслитель, опередивший свой век, яркий представитель русского идеализма, хотя его наследие в полном объеме неизвестно по сей день.

Батеньков оказался среди первых реформаторов, заложивших основы русского либерализма, проявил себя, как типичный декабрист, и при этом шел особым путем. Попытки рассматривать значимость его идей в зависимости от степени политического радикализма бесплодны, но пример Батенькова убеждает: умеренные декабристы, склонные содействовать, а не мешать устремленной к преобразованиям власти, проявили себя не менее заметно, чем радикальные деятели; их позиция сложнее и реалистичнее, она близка установкам представителей пушкинского круга (П.А. Вяземский).

Батеньков – уникальная историческая личность; феномен его не только в том, чего он достиг, как мыслитель, но и в особом промежуточном положении между вождями оппозиции и близкими к трону лицами, что определяло характер воззрений: на декабристов он смотрел, как государственный деятель, а представителей власти видел глазами заговорщиков, просвещенных дворян.

Через Батенькова легко выявить неоднородность правящего слоя, часть которого сочувствовала декабристам, осознать позицию «либерала на троне»; благодаря Батенькову более выпукло предстают фигуры Сперанского и Аракчеева: он содействовал им, помогая осуществлять самодержавную политику, замыслы государя, метавшегося между свободой и принуждением, европейскими и азиатскими, деспотичными формами правления.

Как идеолог он уступал вождям декабризма, но стремился выработать политическую теорию, которая бы учитывала реально сложившиеся обстоятельства; в развитие русской общественной мысли он внес достойный вклад. При всем «мечтательном» строе души, расположенности к отвлеченным идеям, в политике он оставался прагматиком, осторожным и вдумчивым.

Многие деятели эпохи выступали, как мыслители, которым свойственно чувство реальности; особенность Батенькова в том, что он был вовлечен в процесс государственного управления и к выработке социально-политической концепции подходил как участник процесса, оценивая его изнутри, а не со стороны. Он выступал как сторонник федерализма, децентрализации управления; его

понимание прогресса вытекало из необходимости постепенной модернизации, движения в строго заданном направлении.

Изменение материальной культуры мало что значит: важен прогресс духа, полагал он. Как просветитель, он высоко ставил знания, был убежден в могуществе разума, но принцип «разумного» обретения совершенства, который отстаивал Сперанский, был для него неприемлем, рассматривать разум в качестве единственного и существенного основания нравственности он не мог, признавая верховенство духа. Понимание этого позволяет представить специфику становления российского права, законотворчества.

Демократические убеждения Батенькова сказались при выработке Устава об управлении инородцев и Устава о ссыльных, где воплотились его представления о добром законе, который написан с «позиции духа», основан на знании общественных нравов, традиций и быта; чем сложнее, в социальном смысле, регион, на который направлены законодательные усилия, тем основательней должен быть и закон (применительно к Сибири это было особенно актуально).

Его взгляд на Сибирь, как связующее звено между Востоком и Западом, не утратил значения; злободневной остается и его программа мер по освоению мало заселенных земель. Его новаторство проявилось здесь не менее отчетливо, чем в сложных философских изысканиях, «феноменальных» идеях о пространстве и времени, жизни и смерти, вере и разуме; в этих двух сферах, предметной и умозрительной, он смог выразить разные стороны своего дарования.

Особенность Батенькова в том, что он был связан с европейской и русской культурой, действовал как сторонник и оппонент Просвещения, ощущал себя одновременно «внутри» и вне традиции; если примыкал к какому-то течению, воспринимал его серьезней и глубже других, делал частью своего миропонимания (что совмещалось с критическим настроем), и это делало его самостоятельной фигурой, а не выразителем чужих мнений.

Оба идейных течения середины XIX в, славянофильство и западничество, были закономерны, представляя разные стороны русской идеи, и пример Батенькова с его сложной позицией, охватывавшей обе концепции, убеждает, что русская мысль, ощутив самостоятельность, развивалась в особых условиях.

Важная особенность его мировоззрения связана с понятием цикла: всё в мире, считал он, меняясь, совершает круговое движение; цикличное развитие присуще человеку, обществу и природе. Таким был путь философской мысли его самого: он ушел от теистических взглядов, приблизился к учению деистов, а после духовного кризиса вернулся к теизму; менялось и отношение к церкви:

от полного принятия к просвещенному скептицизму, осуждению официальной религии, затем к сближению с православием, признанию авторитета церкви.

Духовная катастрофа усилила эволюцию взглядов, внутреннее развитие Батенькова было сложным, не всегда последовательным, но всегда подчинялось искреннему движению души, чистым порывам, и в этом развитии, изменяясь, он возвращался к глубинным истокам, нравственным основам, заложенным с детства: в этом своеобразии его духовной эволюции. «Мена поколений» означала для него процесс, когда развитие происходило при условии внутреннего совершенствования.

Нельзя раскрыть «тайну души», считал он, не погрузившись в себя, но выразить то, что открылось, обычными средствами невозможно: лишь «просветленное» творчество дает результаты этих открытий. Учение Батенькова о Слове, способном выразить внутренний мир, тончайшие движения мысли, представляет интерес для современной науки; он разработал свою лингвистическую теорию, его суждения о языке (теория просодии) не потеряли значения; к пониманию этого он пришел в середине XIX в. едва ли не первым.

Ощущая в себе «богоданный» дар слова, он пытался постичь тайны духа, проникнуть в запредельное, увидеть духовным зрением сокрытое от непосвященных, приблизиться к разгадке человеческой сущности. В этом был близок Федору Тютчеву, способствуя развитию философской линии в литературе, которую обогатил Достоевский, а вслед за ним Лев Шестов, другие русские экзистенциалисты, но они придали мыслям законченное выражение, облекли их в форму целостных построений, а Батеньков этого не сделал.

Тем не менее, наследие декабриста позволяет отвести ему особое место в истории русской культуры, литературы, общественной мысли. Батеньков был творением эпохи, ее продуктом, и в то же время человеком грядущего, в нем проявлялось типичное и необычное, сиюминутное и вневременное.

Он мыслил себя звеном в непрерывной цепи судеб, способствуя тому, чтоб движение происходило в направлении к свету, добру и истине.

Основные положения диссертации нашли отражение в следующих работах автора:

статьи в журналах, рекомендованных ВАК

1. Юшковский В.Д. К вопросу о сибирских преобразованиях Сперанского и Батенькова // Вестник Томского государственного университета. Сер. Философия. Культурология. Филология. – 2004. – № 282. – С. 307-311 (4 с.).
2. Юшковский В.Д. Участие Батенькова в ложах «вольных каменщиков» и его понимание масонских идеалов // Вестник Томского государственного университета. Сер. История. Краеведение. Этнология. Археология. – 2005. – № 288. – С. 118-123 (5 с.).
3. Юшковский В.Д. «Литература мысли» и «литература чувства» (к вопросу о формировании взглядов Батенькова) // Известия Томского политехнического университета. – Т. 309. – № 2. – 2006. – С. 246-250 (4 с.).

прочие публикации

1. Юшковский В.Д. Нравственно-религиозная доминанта в системе взглядов Батенькова // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири : 4-е научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Кн. II. – Барнаул : Алт. гос. ун-т, 2003. – С. 45-50 (5 с.).
2. Юшковский В.Д. О нравственных основах сибирских преобразований Сперанского и Батенькова // Межэтнический и межконфессиональный диалог в российском обществе: проблемы толерантности. – Томск : Дельтаплан, 2003. – С. 30-33. (3 с.).
3. Юшковский В.Д. Истоки толерантности в российском обществе: Батеньков и его «нравственный закон» // Межэтнический и межконфессиональный диалог в российском обществе: проблемы толерантности. – Томск : Дельтаплан, 2003. – С. 33-37. (4 с.).
4. Юшковский В.Д. Записка Батенькова о состоянии сибирских путей сообщения // Человек – текст – эпоха. МИОН. Вып. I. – Томск : ТГУ, 2004. – С. 154-161 (7 с.).
5. Юшковский В.Д. Новые материалы об инженерно-строительной работе Батенькова в Томске // Человек – текст – эпоха. МИОН. Вып. I. – Томск.: ТГУ, 2004. – С. 162-175. (13 с.).
6. Юшковский В.Д. Батеньков и его «кодекс чести»: факторы, формирующие нравственные императивы // Первые исторические чтения ТГПУ : Материалы международной конференции. – Томск : ТГПУ, 2005. – С. 91-96 (5 с.).

7. Юшковский В.Д. Категории «пространство» и «время» в философских построениях Батенькова // Актуальные вопросы истории Сибири : 5-е науч. чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. – Барнаул.: АГУ, 2005. – С. 127-130 (3 с.).
8. Юшковский В.Д. Осуждение закона и совести: к проблеме духовных поисков декабристов по документальным источникам // Человек – текст – эпоха. МИОН. Вып. II. – Томск : ТГУ, 2006. – С. 196-205 (9 с.).
9. Юшковский В.Д. «Отсутствие божества есть погибель» (религиозное сознание декабристов и восприятие церкви: к вопросу о развитии взглядов) // Наследие декабристов – развитию Сибири. – Ялуторовск : Тюменский издательский дом, 2007. – С. 30-40 (10 с.).
10. Юшковский В.Д. Бездонный космос души (миропонимание Батенькова периода ссылки) // Сибирь и декабристы. Мемориальный музей декабристов. – Иркутск : Иркутский музей декабристов, 2007. – Вып. 6.– С. 45-56 (11 с.).